

**НИКИТА
ХРУЩЕВ**

**АНАСТАС
МИКОЯН**

**ЛАЗАРЬ
КАГАНОВИЧ**

МОЛОТОВ

ВТОРОЙ ПОСЛЕ СТАЛИНА

Вожди Советского Союза

Анастас Микоян

**Молотов. Второй после
Сталина (сборник)**

«Алисторус»

2012

Микоян А. И.

Молотов. Второй после Сталина (сборник) / А. И. Микоян —
«Алисторус», 2012 — (Вожди Советского Союза)

Авторы книги Н.С. Хрущев, А.И. Микоян, Л.М. Каганович занимали высшие посты в руководстве СССР и хорошо знали «второго человека после Сталина» – В.М. Молотова. Вячеслав Михайлович Молотов был Председателем Совета народных комиссаров СССР в 1930–1941 годах, народным комиссаром иностранных дел СССР в 1939–1949 годах. Он известен прежде всего как создатель «пакта Молотова – Риббентропа» накануне войны с Германией, однако роль Молотова в жизни Советского Союза при Сталине была намного больше, чем участие во внешней политике. В воспоминаниях Хрущева, Микояна и Кагановича приводятся свидетельства и факты на этот счет, – что же касается личности Молотова, то у каждого из авторов есть свое мнение о нем.

© Микоян А. И., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

Н.С. Хрущев Бич Сталина	5
Сталин	5
Молотов	11
Договор Молотова с Риббентропом	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Никита Сергеевич Хрущев, Анастас Иванович Микоян, Лазарь Моисеевич Каганович Молотов. Второй после Сталина

**Н.С. Хрущев Бич Сталина
(Из книги Н.С. Хрущева «Воспоминания»)**

Сталин

...Хочу описать встречу со Сталиным, которая произвела на меня сильное впечатление. Это произошло, когда я учился в Промакадемии. Первый выпуск ее слушателей состоялся в 1930 году. Тогда директором у нас был Каминский, старый большевик, хороший товарищ. Я к нему относился с уважением. Мы его попросили, чтобы он обратился к Сталину с просьбой принять представителей партийной организации Промышленной академии в связи с первым выпуском слушателей. Мы хотели услышать напутственное слово от товарища Сталина. У нас был запланирован вечер в Колонном зале Дома союзов, посвященный выпуску слушателей, и мы просили, чтобы Сталин выступил на этом торжественном заседании. Нам сообщили, чтобы мы выделили своих представителей, и Сталин примет человек шесть или семь. В их числе был и я как секретарь партийной организации. Остальные участники этой встречи уже окончили Промышленную академию, а я попал именно как представитель партийной организации.

Пришли к Сталину. Он сейчас же принял нас, и началась беседа. Сталин развивал такую тему: надо учиться, надо овладевать знаниями, но не разбрасываться, а знать свое конкретное дело глубоко и в деталях. Нужно, чтобы из вас получились подготовленные руководители, не вообще какие-то специалисты по общему руководству делом, а с глубоким знанием именно своего дела. Тут он привел такой пример: если взять нашего специалиста, русского инженера, то это специалист очень образованный и всесторонне развитый. Он может поддерживать разговор на любую тему и в обществе дам, и в своем кругу, он сведущ в вопросах литературы, искусства и других. Но когда потребуются его конкретные знания, например, машина остановилась, то он сейчас же пошлет других людей, которые бы ее исправили. А вот немецкий инженер будет в обществе более скупен. Но если ему сказать, что остановилась машина, он снимет пиджак, засучит рукава, возьмет ключ, сам разберет, исправит и пустит машину. Вот такие люди нужны нам: не с общими широкими знаниями, это тоже очень хорошо, но, главное, чтобы они знали свою специальность и знали ее глубоко, умели учить людей.

Нам это понравилось. Я такую точку зрения слышал и раньше, еще когда учился на рабфаке. Тогда проводилась в жизнь такая идея, что нам, конечно, нужны и институты, но главным образом нужно побольше техникумов, чтобы иметь у нас не столько просто образованных людей, знающих ту или другую отрасль, сколько специалистов, окончивших техникумы, если проще говорить— ремесленников, которые знали бы дело уже, но зато глубже, чем инженер той же специальности. У нас тогда и споров не было, мы всецело придерживались такой точки зрения. Поэтому слова Сталина, при личном знакомстве с ним, произвели тогда на меня хорошее впечатление: вот человек, который знает суть и правильно направляет наши умы, нашу энергию на решение коренной задачи индустриализации страны, подъема промышленности и создания

на этой основе неприступности границ нашей Родины со стороны капиталистического мира. На этой же базе основывался и подъем благосостояния народа.

Закончили беседу. Сталин сказал: «Я не смогу быть у вас, а придет к вам Михаил Иванович Калинин. Он вас поприветствует». Когда завершилась беседа со Сталиным, мы увидели, что уже началось заседание в Колонном зале и нам надо туда бежать. Пришли мы из Кремля в Колонный зал, когда доклад уже кончился. С докладом, по-моему, выступал Каминский. Потом говорили слушатели и, наконец, выступил Михаил Иванович. Мы все уважали его и внимательно слушали. Но он говорил как раз обратное тому, о чем только что сказал Сталин. Правда, он тоже утверждал, что надо учиться, овладевать знаниями и быть квалифицированными руководителями нашей промышленности: «Вы кадровые командиры и должны знать не только свою специальность, но должны читать литературу, должны быть всесторонне развитыми. Надо быть не только знатоками своей специальности, своих машин и приборов, вы должны быть знатоками нашей литературы, искусства, истории и прочего». Те, кто был у Сталина, переглядывались. Ведь мы только что пришли от него, а Калинин по этому вопросу говорил как раз противоположное услышанному от Сталина. Я был на стороне Сталина, считая, что он конкретнее ставит задачи, ибо прежде всего мы должны быть специалистами, мастерами своего дела и не разбрасываться, иначе мы не будем иметь настоящей цены. Тот, кто глубже знает свой предмет, более полезен для своей Родины и для дела.

* * *

В то время мне приходилось очень часто встречаться со Сталиным и слушать его: на заседаниях, на совещаниях, на конференциях, слушать и видеть его деятельность при встречах с ним у него на квартире и в обстановке работы руководящего коллектива – Политбюро Центрального Комитета. На этом фоне Сталин резко выделялся, особенно четкостью своих формулировок. Меня это очень подкупало. Я всей душой был предан ЦК партии во главе со Сталиным и самому Сталину в первую очередь.

Я встречал и наблюдал Сталина также при непринужденных беседах. Это случалось иной раз в театре. Когда Сталин шел в театр, он порой поручал позвонить мне, и я приезжал туда или один, или вместе с Булганиным. Обычно он приглашал нас, когда у него возникали какие-то вопросы, и он хотел, находясь в театре, там же обменяться мнениями по вопросам, которые чаще всего касались города Москвы. Мы же всегда с большим вниманием слушали его и старались сделать именно так, как он нам советовал. А в ту пору советовал он чаще в хорошей, товарищеской форме пожеланий.

Однажды (по-моему, перед XVII партийным съездом) мне позвонили и сказали, чтобы я сам позвонил по такому-то номеру телефона. Я знал, что это номер телефона на квартире Сталина. Звоню. Он мне говорит: «Товарищ Хрущев, до меня дошли слухи, что у вас в Москве неблагополучно дело обстоит с туалетами. Даже «по-маленькому» люди бегают и не знают, где бы найти такое место, чтобы освободиться. Создается нехорошее, неловкое положение. Вы подумайте с Булганиным о том, чтобы создать в городе подходящие условия». Казалось бы, такая мелочь. Но это меня еще больше подкупило: вот, даже о таких вопросах Сталин заботится и советует нам. Мы, конечно, развили бешеную деятельность с Булганиным и другими ответственными лицами, поручили обследовать все дома и дворы, хотя это касалось в основном дворов, поставили на ноги милицию. Потом Сталин уточнил задачу: надо создать культурные платные туалеты. И это тоже было сделано. Были построены отдельные туалеты. И все это придумал тоже Сталин.

Помню, как тогда не то на совещание, не то на конференцию съехались товарищи из провинции. Эйхе (он тогда, кажется, в Новосибирске был секретарем парторганизации) с такой латышской простотой спрашивал меня: «Товарищ Хрущев, правильно ли люди говорят, что

вы занимаетесь уборными в городе Москве и что это— по поручению товарища Сталина?». «Да, верно, — отвечаю, — я занимаюсь туалетами и считаю, что в этом проявляется забота о людях, потому что туалеты в таком большом городе— это заведения, без которых люди не могут обходиться даже в таких городах, как Москва». Вот такой эпизод, казалось бы, мелочевый, свидетельствует, что Сталин и мелочам уделяет внимание. Вождь мирового рабочего класса, как тогда говорили, вождь партии, а ведь не упускает из виду такую жизненно необходимую мелочь для человека, как городские туалеты. И это нас подкупало.

Еще отдельные эпизоды, которые связаны с деятельностью Сталина и характеризуют его. Помню, однажды на заседании Политбюро встал несколько необычный вопрос об одном лице, командированном Внешторгом в какую-то латиноамериканскую страну. Подошла очередь данного вопроса. Вызвали этого человека. Пришел он, очень растерянный с виду, лет тридцати пяти. Начинается обсуждение. К нему обращается Сталин: «Расскажите нам все, как было, ничего не утаивая». Тот рассказывает, что приехал в эту страну делать какие-то заказы. Сейчас я точно уже не помню, от какой организации и куда он ездил. Но не это главное. Тут интересно, как реагировал Сталин. А человек продолжает: «Я зашел в ресторан поесть. Сел за стол, заказал обед. Ко мне подсел какой-то молодой человек и спрашивает: «Вы из России?». — «Да, из России». — «А как вы относитесь к музыке?» — «Люблю послушать, если хорошо играют на скрипке». — «А что вы приехали закупать?» — «Я приехал закупать оборудование». — «А вы в России служили в армии?» — «Да, служил». — «В каких частях?» — «В кавалерии, я кавалерист, люблю лошадей и сейчас, хотя уже не служу». — «А как вы стреляете? Вы же были военным». — «Неплохо стреляю». А на завтра мне перевели, что было обо мне написано в газетах. Я просто за голову взялся. Оказывается, это был журналист, представитель какой-то газеты, но он не представился мне, а я по своей неопытности стал с ним разговаривать и отвечать на его вопросы. Он написал, что приехал такой-то, что будет размещать заказы на такую-то сумму (все это был вымысел), что любит ездить верхом, настоящий джигит, хороший стрелок и спортсмен, стреляет вот так-то и попадает туда-то на таком-то расстоянии, к тому же скрипач, и т. д. Одним словом, столько было написано чепухи, что я ужаснулся, но сделать уже ничего не мог. Через некоторое время посольство предложило мне, чтобы я возвратился на Родину. Вот я приехал и докладываю вам, как это было. Очень прошу учесть, что было сделано без какого-либо злого умысла».

Пока он рассказывал, все хихикали и подшучивали над ним, особенно лица, приглашенные со стороны. Но члены ЦК и Ревизионной комиссии, которые всегда присутствовали на заседаниях, вели себя сдержанно, ожидая, что же теперь будет. Когда я посмотрел на этого человека, мне его стало жалко: он оказался жертвой собственной простоты, наивности, а как скажется на нем разбор дела на заседании Политбюро? Человек этот говорил очень чисто-сердечно, но смущался. Сталин же приободрял его: «Рассказывайте, рассказывайте», причем спокойным, дружелюбным тоном. Вдруг Сталин говорит: «Ну что же, доверился человек и стал жертвой этих разбойников пера, пиратов... А больше ничего не было?» — «Ничего». — «Давайте считать, что вопрос исчерпан. Смотрите, в дальнейшем будьте поосторожнее». Мне очень понравился такой исход обсуждения.

После этого объявили перерыв. Тогда Политбюро заседало долго, и час, и два, и больше, делали перерыв, после чего все уходило в другой зал, где стояли столы со стульями и подавался чай с бутербродами. Тогда было голодное время даже для таких людей, как я, занимавших довольно высокое положение, жили мы более чем скромно, даже не всегда можно было вдоволь поесть у себя дома. Поэтому, приходя в Кремль, наедались там досыта бутербродами с колбасой и ветчиной, пили сладкий чай и пользовались всеми благами как люди, не избалованные яствами изысканной кухни. Так вот, когда был объявлен перерыв и все пошли в «обжорку», как мы между собой в шутку ее называли, он, бедняга, продолжал сидеть, настолько, видимо,

потрясенный неожиданным для него исходом дела, что, пока ему кто-то не сказал об окончании заседания, он не двигался с места.

Мне очень понравились такая человечность и простота Сталина, понимание им души человека. Казалось ведь, что человек уже обречен, раз поставлен на обсуждение этот вопрос. Думаю, что, наверное, пришло какое-то донесение Сталину, после чего Сталин сам поставил этот вопрос на Политбюро, чтобы показать, каков он и как решает такие дела.

* * *

Еще один эпизод. Это произошло, наверное, в 1932 или 1933 году. Тогда возникло в обществе движение, как мы тогда их называли, отличников. Лыжники, рабочие Московского электрозавода, который занимал тогда передовое место в столице, решили совершить лыжный поход из Москвы в Сибирь или на Дальний Восток. Они благополучно его завершили, возвратились и были представлены к наградам. Их наградили какими-то значками или даже орденами. И, конечно, было вокруг этого много шума. Потом туркмены решили на конях прискакать из Ашхабада в Москву и тоже совершили свой переход. Их тоже встретили с почетом, одарили подарками и опять же наградили. Потом и в других городах и областях развернулось «движение отличников».

Вдруг Сталин сказал, что надо это прекратить, иначе конца не будет: если мы начнем поощрять, а мы уже начали, так все станут ходить, скакать, чем-то «отличаться» и отрываться от производства. «Мы, – сказал он, – превратимся в бродяг, будем публично поощрять такое бродяжничество и даже награждать за него. Нужно прекратить!». И тут же положил конец «движению отличников». Мне это тоже очень понравилось: во-первых, ненужная была шумиха; во-вторых, действительно неверное направление дела поощрения к бродяжничеству, каким-то бесконечным походам и переходам. Сталин же по-хозяйски подошел к вопросу: нужно нацеливать усилия людей в другом направлении, к тому, что поднимает производство, способствует сплочению народа, удовлетворению его потребностей и т. п. Хорошо разок совершить спортивный поход на лыжах, но это в принципе никакого особого значения не имеет, потому что по-настоящему спорт надо развивать все же на другой основе.

Зато неприятно поразил меня такой случай. Кажется, шел 1932 год. В Москве была голодуха, и я как второй секретарь горкома партии затрачивал много усилий на изыскание возможностей прокормить рабочий класс. Занялись мы кроликами. Сталин сам выдвинул эту идею, и я увлекся этим делом: с большим рвением проводил в жизнь указание Сталина развивать кролиководство. Каждая фабрика и каждый завод там, где только возможно и даже, к сожалению, где невозможно, разводили кроликов. Потом занялись шампиньонами: строили погреба, закладывали траншеи. Некоторые заводы хорошо поддерживали продуктами свои столовые, но всякое массовое движение, даже хорошее, часто ведет к извращениям. Поэтому случалось много неприятных казусов. Не всегда такие хозяйства окупались, были и убыточные, и не все директора поддерживали их. Гуляло в обиходе прозвание этих грибниц гробницами.

При распределении карточек с талонами на продукты и товары было много жульничества. Ведь всегда так: раз карточки, значит, недостаток, а недостаток толкает людей, особенно неустойчивых, на обход законов. При таких условиях воры просто плодятся. Каганович сказал мне: «Вы приготовьтесь к докладу на Политбюро насчет борьбы в Москве за упорядочение карточной системы. Надо лишить карточек тех людей, которые добыли их незаконно, воровским способом». Карточки были разные – для работающих и для неработающих. Для работающих – тоже разные, и это тоже один из рычагов, который двигал людей на всяческие ухищрения и даже злоупотребления. Мы провели тогда большую работу со всеми организациями, включая профсоюзы, милицию и чекистов. Сотни тысяч карточек просто сэкономили или отобрали, лишив их тех людей, которые были недостойны. Ведь тогда шла острая борьба за хлеб,

за продукты питания, за выполнение первой пятилетки. Надо было обеспечить в первую очередь питанием тех, кто сам способствовал успеху пятилетки.

Настал день, когда нас должны были слушать по этому вопросу на Политбюро. Каганович сказал, что докладывать буду я. Это меня очень обеспокоило и даже напугало: выступать на таком авторитетном заседании, где Сталин будет оценивать мой доклад. Председательствовал тогда на заседаниях Молотов, Сталин никогда в то время не председательствовал. Только после войны Сталин уже чаще, чем раньше, сам вел заседания. В 40-е годы на заседаниях Политбюро обычно царила сдержанность. Но в 30-е годы обсуждение некоторых вопросов проходило довольно бурно, особенно если кто-нибудь позволял себе выразить свои эмоции. Тогда это еще допускалось. Раз, например, вспылел Серго Орджоникидзе, вообще очень горячий человек, налетел на наркома внешней торговли Розенгольца и чуть не ударил его...

Итак, сделал я доклад, рассказывая, каких больших мы добились успехов. А Сталин подал реплику: «Не хвастайте, не хвастайте, товарищ Хрущев. Много, очень много осталось воров, а вы думаете, что всех выловили». На меня это сильно подействовало: действительно, я посчитал, что мы буквально всех воров разоблачили, а вот Сталин, хоть и не выходил за пределы Кремля, а видит, что жуликов еще очень много. По существу, так и было. Но то, как именно подал он реплику, понравилось мне очень: в таком родительском тоне. Это тоже поднимало Сталина в моих глазах.

А теперь перейду к упомянутому мною неприятному эпизоду. Через какое-то время я узнал, что такой же доклад будут делать ленинградцы. Меня заинтересовало, какую же работу провели они? У нас было соцсоревнование с ленинградцами по всем вопросам, и гласное, и негласное. Настал день, когда этот вопрос был поставлен в повестку дня на Политбюро. Пришел я на заседание и сижу себе на своем месте (места были не нумерованные, но за постоянными посетителями заседаний они как-то закрепились). Доклад делал секретарь городского партийного комитета. Первым секретарем был Сергей Миронович Киров, но не он делал доклад, а другой секретарь, с латышской фамилией. Я его мало знал. Но ведь он секретарь Ленинградского горкома; уже поэтому я относился к нему с должным уважением. Доклад он, с моей точки зрения, сделал хороший: ленинградцы тоже много поработали, обеспечили экономию и сократили много карточек к выдаче.

Был объявлен перерыв, народ повалил в «обжорку», а я как-то задержался. Сталин, видимо, ожидал, пока пройдут те, кто занимал задние места. И тут я стал невольным свидетелем, как Сталин перебрасывался фразами об этом секретаре с Кировым. Он спросил его, что это за человек. Сергей Миронович что-то ответил ему, вероятно, положительно. Сталин же бросил реплику, унижавшую и оскорблявшую этого секретаря. Для меня это было просто страшным моральным ударом. Я даже в мыслях не допускал, что Сталин, вождь партии, вождь рабочего класса, может так неуважительно относиться к члену партии.

* * *

В тот период я довольно часто имел возможность непосредственно общаться со Сталиным, слушать его и получать от него прямые указания по тем или другим вопросам. Я был тогда буквально очарован Сталиным, его предупредительностью, его вниманием, его осведомленностью, его заботой, его обаятельностью и, честно, восхищался им.

В ту пору все мы были очень увлечены работой, трудились с большим чувством, с наслаждением, лишая себя буквально всего. Мы не знали отдыха. Очень часто на выходные дни, когда еще они были (потом они исчезли), назначались либо конференции, либо совещания, либо массовки. Партийные и профсоюзные работники всегда находились с массами: на заводах, на фабриках, работали с воодушевлением, жили же довольно скромно, даже более чем скромно. Я, например, материально был обеспечен лучше, когда работал рабочим до социали-

стической революции, чем тогда, когда являлся секретарем Московских городского и областного комитетов партии.

Главное для нас состояло в том, чтобы наверстать упущенное, создать тяжелую индустрию и оснастить Красную Армию современным вооружением, находясь в капиталистическом окружении, превратить СССР в неприступную крепость. Мы помнили слова Ленина, что через 10 лет существования Советской власти страна станет неприступной, жили одной этой мыслью и ради нее. То время, о котором я вспоминаю, было временем революционных романтиков. Сейчас, к сожалению, не то. В ту пору никто и мысли не допускал, чтобы иметь личную дачу: мы же коммунисты! Ходили мы в скромной одежде, и я не знаю, имел ли кто-нибудь из нас две пары ботинок. А костюма, в современном его понимании, не имели: гимнастерка, брюки, пояс, кепка, косоворотка – вот, собственно, и вся наша одежда.

Сталин служил и в этом хорошим примером. Он носил летом белые брюки и белую косоворотку с расстегнутым воротником. Сапоги у него были простые. Каганович ходил в военной гимнастерке, Молотов – во френче. Внешне члены Политбюро вели себя скромно и, как это виделось, все свои силы отдавали делу партии, страны, народа...

Бытовая сторона жизни Сталина мне тоже нравилась. Бывало, когда я работал уже на Украине, приедешь к нему (чаще всего на ближнюю дачу в Волынском, туда близко было – минут 15 езды из города), а он обедает. Если летом, то всегда обедал на открытом воздухе, на веранде. Сидел он обычно один. Подавали суп – русскую похлебку, стоял графинчик с водкой и графин с водой, рюмочка была по размерам умеренная... Входишь, поздороваешься, он говорит: «Хотите кушать? Садитесь». А «садитесь» – это значит бери тарелку (тут же стоял супник), наливай себе, сколько хочешь, и ешь. Хочешь выпить – бери графин, налей рюмочку, выпей. Если хочешь вторую, то решай сам, как говорится, душа меру знает. Не хочешь, можешь и не пить. Но когда Берия явился в Москву, то жизнь Сталина и коллектива, который сложился вокруг него, приобрела совершенно другой характер. Когда я один на один беседовал со Сталиным, он мне иногда высказывал даже свое недовольство: «Когда у нас не было Берии в Москве, у нас как-то по-другому проходили встречи, по-другому проходили обеды и ужины. А сейчас он обязательно вносит какую-то страсть, соревнование, кто больше выпьет. Создается атмосфера, когда люди выпивают лишнее и нарушается тот порядок, который был у нас».

Я полностью был согласен со Сталиным, но должен сказать, что уже тогда относился с недоверием к таким его заявлениям, я видел, что Сталин иной раз, грубо говоря, провоцирует разговор на ту или другую тему с тем, чтобы выявить настроение того, с кем он беседует. Я видел, что Сталин и Берия очень дружны между собой. Насколько эта дружба была искренна, мне тогда было неизвестно. Но, во всяком случае, я видел, что не случайно Берия был назначен заместителем наркома внутренних дел, а в скором времени, когда Ежов был смещен, арестован и казнен, Берия стал властелином этого наркомата. Он приобрел решающее влияние в нашем коллективе. Я видел, что окружающие Сталина люди, занимавшие более высокие посты и в партии, и в государстве, вынуждены были считаться с Берией и несколько заискивать, лебезить, подхалимничать перед ним, особенно Каганович.

Молотов

Я не замечал такого нехорошего, подлого подлизывания только со стороны Молотова. Он производил на меня в те времена впечатление человека независимого, самостоятельно рассуждающего, имел свои суждения по тому или другому вопросу, высказывался и говорил Сталину, что думает. Было видно, что Сталину это не нравится, но Молотов все-таки настаивал на своем. Это, я бы сказал, было исключением. Мы понимали причины независимого положения Молотова. Он был старейшим приятелем Сталина. Сталин знал Молотова, и Молотов знал Сталина еще по подпольной работе. Молотов много лет играл свою роль в возвеличивании и возвышении Сталина. В борьбе Сталина с оппозицией Молотов был его опорой. Поэтому оппозиционеры называли его дубинкой Сталина. Он выпускался Сталиным тогда, когда нужно было наносить удары по тому или другому члену Политбюро, который становился в оппозицию к Сталину.

В кризисные моменты Молотов проявлял грубость, но в спокойной обстановке – нет. Помню, как в ходе Курской битвы наше положение ухудшилось. Мы исчерпали свои резервы, хотя не знали, что имелись еще резервы Верховного Главнокомандования. Потом уже нам сказали, что за нами стоят армии Степного фронта, которыми командовал Конев. Добавили, что 47-я армия этого фронта поступает в наше распоряжение. Это произошло, когда враг оттеснил нас уже километров на 35 на север и когда мы выдохлись. Я поехал к Катукову. Его войска оседлали шоссе Белгород– Курск и удерживали его южнее Обояни. Там же находился штаб 6-й Гвардейской армии, потому что Катуков и Чистяков занимали по фронту и в глубину одну полосу: танковая армия была придана на усиление 6-й Гвардейской как подвижная артиллерия. Там я встретился сразу с обоими командирами.

Положение складывалось тяжелое, Москва проявляла нервозность. Помню, как перед моим отъездом к Катукову мы с Ватутиным разговаривали со Сталиным. Потом взял трубку Молотов. Молотов всегда в таких случаях вел разговор грубее, чем Сталин, допускал оскорбительные выражения, позволял себе словесную бесконтрольность. Но чего-либо конкретного, кроме ругани, мы от него не услышали. Он ничем не мог нам помочь, потому что в военных вопросах был нулем, а использовался в таких случаях как бич Сталина. В оскорбительном тоне он говорил с командующими, а потом и со мной, но я понимал, что в те часы он мог только ругаться. Не хочу допускать, в свою очередь, неуважительных выражений в его адрес, потому что при всех его отрицательных качествах Молотов по-своему был честен, а его преданность Советской власти не дает мне права отзываться о нем плохо.

* * *

Женой Молотова была Жемчужина, но известна она была не как жена Молотова, а как видный сам по себе человек. Когда она была молода и трудоспособна, то работала как активный член партии, руководила парфюмерной промышленностью (ТЭЖЭ, кажется, назывался этот трест). Потом она стала наркомом рыбной промышленности. Волевая женщина. Я с ней много раз сталкивался, когда работал секретарем Московских городского и областного партийных комитетов. Она на меня производила впечатление хорошего работника и хорошего товарища. И что было приятно – никогда не давала чувствовать, что она не просто член партии, а еще и жена Молотова. Она завоевала видное положение в Московской парторганизации собственной деятельностью, партийной и государственной.

Сталин относился к ней с большим уважением. Я сталкивался с этим, когда мы встречались. Несколько раз Сталин, Молотов, Жемчужина и я были вместе в Большом театре, в правительственной ложе. Для Жемчужиной делалось исключение: жены других членов Политбюро

редко бывали в правительственной ложе, рядом со Сталиным. Правда, иногда оказывалась там жена Ворошилова Екатерина Давыдовна, но реже Жемчужиной. На грудь Жемчужиной сыпались ордена, но все по справедливости и не вызывали каких-либо разговоров.

Вдруг, я и сейчас не могу ничем объяснить это, на Жемчужину был направлен гнев Сталина. Не помню, в чем ее обвинили. Помню только, как на пленуме ЦК партии (я тогда уже работал на Украине) был поставлен вопрос о Жемчужиной. С конкретными обвинениями в ее адрес выступил Шкирятов – председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Шкирятов – старый большевик, но Сталин обратил его в свою дубинку. Сталин нуждался в том, чтобы Комиссия партийного контроля разобрала дело и уж потом исключила из партии обвиняемого, подтвердив, так сказать, подозрения.

После этого его сейчас же хватили в приемной Шкирятова и волокли, куда следует. Атам была уже предreshена расправа. И сколько таких было! Погибли тысячи людей!

Жемчужина выступила на пленуме в свою защиту. Я восхищался ею внутренне, хотя и верил тогда, что Сталин прав, и был на стороне Сталина. Но она мужественно защищала свое партийное достоинство и показала очень сильный характер... Голосовали за вывод ее из состава Центральной ревизионной комиссии ВКП(б), не то из состава кандидатов в члены ЦК. И все, конечно, голосовали единогласно за предложение, которое было сделано докладчиком. Воздержался один Молотов. Позднее я часто слышал упреки Молотову и прямо в лицо, и за глаза: осуждали его как члена Политбюро и члена ЦК, который не поднялся выше семейных отношений, до высоты настоящего члена партии, не смог осудить ошибки близкого ему человека.

Этим дело не кончилось. Посыпались всяческие «материалы». Сталин применял низменные приемы, стремясь ущемить мужское самолюбие Молотова. Чекисты сочинили связь Жемчужиной с каким-то евреем-директором, близким Молотову человеком. Тот бывал на квартире Молотова. Вытащили на свет постельные отношения, и Сталин разослал этот материал членам Политбюро. Он хотел опозорить Жемчужину и уколоть, задеть мужское самолюбие Молотова.

Молотов же проявил твердость, не поддался на провокацию и сказал: «Я просто не верю этому, это клевета». Насчет «сочинений», писавшихся органами НКВД, он лучше всех, видимо, был информирован, поэтому вполне был уверен, что тут документы сфабрикованы. Говорю здесь об этом для того, чтобы показать, что даже такие приемы были использованы. Одним словом, все средства были хороши для достижения цели, в данном случае для устранения Жемчужиной.

* * *

Уже после войны Жемчужину репрессировали. В военные годы было создано Совинформбюро для сбора всевозможных материалов о нашей стране, о действиях Красной Армии, о борьбе против гитлеровской Германии и для распространения этих материалов в нашей и западной прессе, главным образом в США. Так как там очень влиятельны круги еврейской нации, то и у нас в Совинформбюро входило немало евреев, занимавших высокое положение в стране. Заместителем начальника, а потом и начальником там был прежний генеральный секретарь Профинтерна, заместитель наркома иностранных дел Лозовский. Возник также Еврейский антифашистский комитет. Среди прочих в него вступил по рекомендации свыше Герой Советского Союза генерал Крейзер. В этом комитете состоял и Михоэлс. Он был родственником академика-философа Митина. В этот же комитет, конечно, входила и жена Молотова Жемчужина.

Лозовский не раз обращался ко мне, когда я приезжал в Москву, а иной раз звонил по телефону с просьбой, чтобы пропагандистам дали материалы о зверствах гитлеровцев на Украине. Я поручал, кому следует, и эти материалы посылались в США, где они широко использо-

вались для пропаганды успехов Красной Армии и описания зверств, которые творили захватчики на Украине. Деятельность Лозовского была ярко положительной. Он был очень активный человек и настойчиво помогался: «Давайте материалы, давайте материалы!». Мы же в 1944–1945 гг. были очень заняты восстановлением хозяйства, и нам порою было не до того. А он напирал: «Вы поймите, насколько важно для нас показать лицо нашего общего врага, описать его зверства, показать трудности восстановления наших городов и сел».

Думаю, что данная организация, изучавшая зверства гитлеровцев, была создана по предложению Молотова. Но, может быть, сам Сталин предложил организовать ее. Она активно занималась вопросами пропаганды, и ее деятельность, как и деятельность Еврейского антифашистского комитета, была явно в интересах нашего государства, нашей политики, Коммунистической партии, справедливо считалась полезной и необходимой. Когда освободили Украину, в ЕАКе составили документ (не знаю, кто явился инициатором), в котором предлагалось Крым (после выселения оттуда татар) превратить в еврейскую автономию в составе РСФСР. Обратились с этим предложением к Сталину. Вот тут и разгорелся сыр-бор. Сталин расценил дело так: налицо акция американских сионистов; члены этого комитета – агенты сионизма, которые хотят создать свое государство в Крыму, чтобы отторгнуть его от Советского Союза и утвердить там агентуру американского империализма. Был дан простор воображению.

Помню, как мне по этому вопросу звонил Молотов, советовался. Молотов, видимо, был втянут в это дело через Жемчужину. Наиболее активную роль в комитете играли Лозовский и Михоэлс. Сталин же буквально взбесился. Через какое-то время начались аресты. Схватили Лозовского, позднее Жемчужину. Начались гонения на этот комитет, что послужило еще одним толчком к подогреванию антисемитизма. Сюда же приплеталась выдумка, будто евреи хотели создать свое особое государство, выделиться из Советского Союза. В результате встал вопрос вообще о еврейской национальности и ее месте в нашем государстве. Пошли расправы. Не знаю, сколько тогда людей было арестовано по этому делу. Применялись и другие методы. Сталин опять начал практиковать тайные убийства. Повторю, что Михоэлс был убит тайно. Не знаю, по какому поводу он выезжал не то в Смоленск, не то в Минск, возможно, его специально туда вывезли. Одним словом, там нашли его труп. Было инсценировано его убийство. В действительности его труп выбросили на улицу, а там организовали наезд машины на него. При его похоронах наша общественность отдала ему должное. Но она не знала, как погиб этот человек. А его убийцу (мне говорил Маленков) наградили.

Долго тянулся следственный процесс по делу этого комитета, и в конце концов все кончилось трагически. Лозовский был расстрелян, а ряд лиц сослали. Я думал тогда, что Жемчужину расстреляли, потому что об этом никому ничего не докладывалось и никто в этом не отчитывался. Все доложили Сталину, а Сталин лично сам казнил и миловал. О том, что она жива, я узнал уже после смерти Сталина, когда Молотов сказал, что Жемчужина находится в ссылке. Все согласились, что ее надо освободить. Берия, освободив ее, торжественно вручил ее Молотову. Он рассказывал мне, как Молотов приехал к нему в министерство и там встретился с Жемчужиной. Она была еле жива, он обнял ее. Берия рассказывал с какой-то иронией, но Молотову и Жемчужиной выражал сочувствие, демонстрируя, что вроде это была его инициатива освободить ее.

Договор Молотова с Риббентропом

Когда в 1938 году я возглавил Компартию Украины, Сталин предложил ввести меня в члены Военного совета Киевского Особого военного округа (КОВО) с тем, чтобы я мог приобщаться и к военным делам: «большая война» СССР с врагами неизбежна, партработникам надо все знать самим. Да, «большая война» неумолимо надвигалась. Это чувствовали все граждане, но особенно руководители страны. Мы из этого не делали никакого секрета. Немецкие фашисты, Гитлер не переставали заявлять, что их цель – разгром Советского Союза, уничтожение коммунистов, истребление советского народа, порабощение славян. Помню, как-то нам была роздана в переводе книга Гитлера «Моя борьба». Я тоже получил ее. Не помню, сколько страниц прочел, но осилить целиком не смог морально, хотя сейчас жалею о том. Я не мог тогда ее читать, потому что меня буквально выворачивало; не мог спокойно смотреть на такие бредни, мне стало противно, не хватило терпения, и я ее бросил, не дочитавши. Однако было вполне ясно, что Гитлер не отступит от своего и обязательно развяжет войну против СССР.

Что же делалось в нашей стране по повышению боеспособности Красной Армии, улучшению вооружения, оснащению войск техникой? Конкретно я почти ничего не знал, и мне не известно, что знали другие члены Политбюро, ибо все это брал на себя лично Сталин. В Сталина мы верили, считали, что он в таких вопросах разбирается, к тому же заслушивает военных, специалистов, инженеров, ученых, организаторов Красной Армии. Напомню здесь о Ворошилове, с которым Сталин имел тогда дружеские отношения, ежедневно с ним общался. Все вопросы обороны страны они напрямую обговаривали между собой. Кто еще мог знать конкретные вещи? Может быть, Молотов. В то время он тоже был очень близок к Сталину. Другие члены Политбюро и секретари ЦК партии, тем более члены ЦК партии, полагаю, мало что знали насчет конкретных сфер оборонного производства, если не говорить об отдельных лицах, напрямую отвечавших за это.

В 1938 г. нам был навязан военный конфликт с японцами на озере Хасан. Как протекали там бои, я сейчас точно не могу рассказать, а по газетным сообщениям разобраться в деталях было трудно. Видимо, они развивались не совсем в том направлении, как нам хотелось. Поэтому мы вынуждены были вскоре послать туда подкрепление. Я узнал об этом от Мехлиса как начальника Главного политуправления Красной Армии. Он поехал на Дальний Восток как доверенное лицо Сталина. Мехлис, действительно, был очень доверенным человеком Сталина. Он когда-то был его помощником, а потом Сталин послал его вместо Бухарина редактором газеты «Правда».

У меня были очень хорошие отношения с Мехлисом. Познакомился я с ним в 1929–1930 гг., когда учился в Промышленной академии, а он был редактором «Правды», и нас свела дружба на почве общих усилий в борьбе против «правых» уклонистов. Мехлис оказывал мне большую помощь как секретарю партийной организации Промакадемии, где существовало прежде абсолютное засилье «правых». И вот, когда вернулся Мехлис, я с ним встретился. Правда, у меня не было с ним дружеских контактов, не встречались мы и по службе. А тут произошла случайная встреча. Мехлис рассказал мне о событиях на Дальнем Востоке. Как чрезвычайно экспансивный и несколько желчный человек, он, когда говорил о людях, то либо хвалил их, либо мешал с грязью. (Помню, как он рассказывал мне о людях, которых приказал арестовать. Тогда я оценивал его поступки положительно, считая, что он обезвредил кадры, повысил боеспособность Красной Армии.)

Японцы же не достигли своей цели у Хасана. Это озеро нависает над Владивостоком. То была попытка выбить нас оттуда и овладеть этим городом. Попытка не увенчалась успехом, конфликт был ликвидирован. Не знаю, были ли предприняты какие-нибудь дипломатические шаги или же все так и решилось силой оружия.

* * *

Не помню, сколько прошло времени после конфликта у Хасана, как разразилось японское вторжение в Монгольскую Народную Республику. В ней находились наши войска. Самое главное заключалось в том, чтобы защитить район реки Халхин-Гол, то есть байкальское направление. Но японцы имели и более широкие планы. Они, видимо, хотели разгромить монгольские военные части, оккупировать Монголию, пробиться к Байкалу и отрезать от нас Дальний Восток. Там разгорелись бои с большим количеством всех родов войск. Японцы бросили в сражение много пехоты, артиллерии, танков, авиации, и на первых порах нам приходилось трудно. Потом были подтянуты дополнительно наши войска; усилено командование. Командовать группой войск был послан туда Жуков. Операция была проведена им хорошо, он заметно отличился. Потом он всюду показал свои способности во время «большой войны», которую развязал Гитлер. А тогда были разгромлены японские войска, и тем дело закончилось. Не знаю, какие были предприняты в данной связи дипломатические шаги, этот вопрос не докладывался на Политбюро, им занимались Сталин и Молотов.

Чтобы понять, почему, надо было знать Сталина. Сталин считал, что ЦК партии и Политбюро — это все, так сказать, мебель, необходимая для обстановки дома, главное в котором — хозяин дома. Хозяином он считал, конечно, себя и делал все, что считал нужным, ни с кем не советовался, если это не входило в его планы, и ни перед кем не отчитывался. Разгром японцев на Халхин-Голе еще больше развил вредные бациллы самоуспокоенности: вот, мол, какова наша армия, она непобедима, мы на практике показали эту непобедимость: разгромили самураев у Хасана и на Халхин-Голе. Появились в народе соответствующие частушки, стали рассказывать на эту тему анекдоты и полуанекдоты, порой такие, которые и не в каждом обществе можно было рассказать, «соленные», солдатского пошиба. Все это соответствовало тому умонастроению, которое складывалось после нашей победы над японскими войсками.

Между тем история делала свое дело. Враждебные силы предпринимали все для того, чтобы подготовиться к мощному удару по СССР. Связи Гитлера с Муссолини укреплялись все больше. Еще раньше, как известно, был заключен Анти-коминтерновский пакт. Сначала появилась «ось Берлин —

Рим». Воинственность самураев импонировала Гитлеру и Муссолини, и в скором времени «ось Берлин — Рим» была продолжена на восток и стала называться «осью Берлин — Рим — Токио». Угроза Советскому Союзу становилась все реальнее. Гитлеровская Германия и фашистская Италия базировали свою идеологию захватов на отсутствии у них «жизненного пространства». Поэтому Муссолини начал войну против Абиссинии (Эфиопии), добился успеха и разбил абиссинцев, несмотря на стойкость, которую проявил этот народ. Армия Абиссинии была слабой, абиссинцы сражались в основном примитивным оружием, а Муссолини сосредоточил войска, вооруженные современной техникой, послал туда авиацию. Это было фактически истребление людей, но цель была им достигнута: Италия захватила Абиссинию, и все западные страны признали это завоевание.

В целом ситуация складывалась для нас невыгодная. СССР, против которого были направлены все реакционные силы Запада и Востока, фактически находился во вражеском окружении. Вероятно, предстояло драться одному против крупных сил Германии, Италии и Японии. Советский народ еще не забыл и поражения, которое японцы нанесли царским войскам в 1905 г. в Маньчжурии. Не помню точно года свершения того знаменательного факта, когда министр иностранных дел Японии поехал в Берлин, чтобы договориться с Гитлером насчет координации агрессии против нас. На обратном пути, когда этот министр Мацуока проезжал через Москву, он совершенно неожиданно захотел встретиться с советским руководством. Произошел невероятный факт: Сталин поехал на вокзал и встретился с представителем

Японии, возвращавшимся из Берлина. Вскоре был заключен с Японией пакт о нейтралитете. У нас возникли сразу и чувство удовлетворенности, и чувство предрешенности, неизбежности войны с Японией, поскольку считалось, что Япония рассматривает договор с Советским Союзом как успокаивающий акт, лишь усыпляющий нашу бдительность.

Но от Сталина я таких рассуждений не слышал. Он же со своей стороны рассчитывал, что именно нужно сделать, чтобы обезопасить наши границы со стороны Японии. Полагаю, что он никакого доверия к этому договору с Японией не питал. Все это делалось и той, и другой стороной, исходя из конкретных условий, которые сложились к тому времени: война неизбежна, а пока надо все сделать, чтобы как-нибудь выиграть время в свою пользу. Время было главным, потому что ликвидировать надвигающуюся опасность войны мы были уже не в силах. Нужно было только изыскать возможности получше подготовиться к войне и, если удастся, найти себе союзника либо нейтрализовать силы каких-то противников, чтобы ослабить вражеский фронт. Правда, на Украине я напрямую не чувствовал, чтобы это как-то непосредственно отражалось на ее границе с Польшей и Румынией. В политическом отношении Румыния вела себя очень враждебно и довольно глупо. Часто возникали случаи, когда ее пограничники без всяких причин открывали вдруг огонь, если видели наших пограничников на советской территории. Имелись при этом случаи ранений и даже смертельных исходов. Но крупных пограничных инцидентов все же не происходило. Все это можно было объяснить буквально физиологической ненавистью к нам, боязнью Советского Союза и Советской власти, страхом перед Коммунистической партией, ее идеологией, ее силой, влиянием на массы, поскольку Румыния являлась слабым звеном в капиталистическом мире.

* * *

После того как Австрия была поглощена Германией, нависла фашистская угроза над Чехословакией. Судетские немцы в Чехословакии вели себя нагло. Правительство Чехословакии оказалось бессильным или неадекватным, не предпринимало решительных мер по подавлению их антигосударственного сепаратистского движения, нацеленного на отторжение Судетской области от Чехословакии. В конце концов дело завершилось тем, что Гитлер стал прямо угрожать Чехословакии. Отсюда возникла Мюнхенская встреча четырех держав. Закончилась она тем, что Англия и Франция уступили Гитлеру, развязав ему руки для прямых действий против Чехословакии. А еще раньше Гитлер решил в свою пользу спор о территориях, которые после Первой мировой войны находились под контролем Франции. Французы и там уступили, так что Гитлер без всяких военных действий двинул свои войска в Рейнскую область и восстановил суверенитет Германии над этими территориями. У нас имелся договор с Чехословакией: мы должны были оказать ей помощь, если договор вступит в силу при условии выполнения договорных обязательств, которые имелись у Чехословакии с Францией. Поэтому, когда нависла угроза над Чехословакией, мы продемонстрировали свои военные намерения. Хорошо знаю это, потому что как член Военного совета Киевского Особого военного округа знал о приказе привести войска КОВО в боевую готовность и сосредоточить ударную группировку в районе Каменец-Подольского на польской границе.

Польское правительство проявляло по отношению к нам самую оголтелую враждебность и ни на какие переговоры о пресечении общей опасности со стороны Германии не шло. Для СССР фашистская опасность могла, главным образом, проявиться именно через польскую территорию. Тогда правительство Польши возглавлял Складковский, а министром иностранных дел был Бек. Они и слушать не хотели о совместной обороне против Германии, а своей враждебностью к СССР они, может быть, хотели как-то откупиться от Германии. Если бы они могли хоть немного мыслить реально, то увидели бы, что гитлеровская Германия претендовала не только на Польшу, но на огромное «жизненное пространство». Гитлер собирался как минимум

захватить еще и Украину. Немцы прямо говорили об этом. Значит, обстановка сама делала нас с Польшей союзниками. Однако, несмотря на реальную угрозу с запада, польские государственные деятели не понимали необходимости объединить наши усилия против Гитлера и тем самым, может быть, удержать Гитлера от нападения и на Польшу, и на Советский Союз.

С учетом складывавшейся ситуации в Киев сообщили (от Сталина я лично этого не слышал, а было передано через военных), что может возникнуть необходимость того, что нашим войскам придется силой пробиваться через польскую территорию в Чехословакию, чтобы оказать ей помощь. Это было очень сложно, если принимать во внимание географическое положение участка, на котором были сосредоточены наши войска. Группа этих войск была сравнительно не столь большой. Двинулись бы мы таким путем в Чехословакию; поляки, естественно, ударили бы по нам с фланга. Не такое это легкое дело – сразу пробиться за Карпаты в данных условиях. Тут, наверное, Гитлер пришел бы «на помощь» Польше. Одним словом, складывалась сложная ситуация.

Однако Франция вдруг разрешила проблему кардинально: она отказалась от выполнения договора с Чехословакией, тем самым положив ее в пасть Гитлеру. Гитлер получил возможность решить дело по-своему: он сначала захватил Судетскую область, пражское правительство ушло в отставку, а президент согласился на «протекторат» со стороны Германии. Далее захватить Чехословакию было уже легче: были оккупированы Чехия и Моравия, образована марионеточная «самостоятельная» Словакия. У словаков в правительство попали тогда фашисты, которые поддерживали Гитлера, фактически – предатели словацкого народа и союзники фашистской Германии. Позднее они приняли участие в войне против СССР на стороне Гитлера.

* * *

Когда военные представители Англии и Франции прибыли в СССР, чтобы повести переговоры для сложения военных усилий на случай войны, которую может развязать Германия, то наши с ними переговоры оказались беспредметными. Еще тогда, весной и летом 1939 г., я, приезжая из Киева, за столом у Сталина слышал обмен мнениями по этим делам. Высказывалось мнение, что англичане и французы не хотят фактически объединять наши усилия и нарочно затягивают бесплодные разговоры, чтобы подтолкнуть Гитлера к действиям в направлении Советского Союза и удовлетворить запросы фашистов именно за счет восточных земель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.